

646, 646 об., 647 об., 649, 650, 650 об., 651 об. Он же был автором миниатюры л. 640. Это — шестой рисовальщик, по О. И. Подобедовой.¹⁸ Руке второго художника принадлежат рисунки на л. 642, 642 об., 644, 644 об., 645, 645 об., 647, 648, 648 об., 649 об., 651, 652. Это — первый рисовальщик, по О. И. Подобедовой.¹⁹

Первый из названных миниатюристов владеет довольно уверенным рисунком, круглящейся линией. О. И. Подобедова отмечает его излюбленный прием: изображение старца, средовека, юноши. В данном цикле их нет всех вместе, но типы указанные прослеживаются. Для этого художника характерны свободные, не перегруженные композиции. Среди рисунков этого мастера нет сложных многофигурных композиций. Они локальны и раскрывают лишь канву повествования, главную мысль текста. И даже изображения княжеских дружин чрезвычайно скромны и компактны.

Этому мастеру удаются решения, — как, впрочем, и другим миниатюристам Лицевого свода, — очень сложных для художника задач. Без видимой трудности он может раскрыть не только зрительно передаваемый сюжет («Некто же гость поиде путемъ темъ, Половцы же приказаша съ нимъ къ Русскимъ княземъ, глаголюще: „поидете по свою братию, или мы к вам идемъ по своимъ“») — «гостя» перед половцами (попытаемся представить этот сюжет, воплощенный художником XX в.), — но и содержание беседы. Перед зрителем предстают и едущий «гость», и беседа его с половцами, и плененные Ольговичи, и русские князья в оживленной беседе (движения их рук можно условно назвать «жестом общения»). Князья обсуждают неизвестность положения дружины Ольговичей.

Еще более успешно такую сложную задачу удается решить второму рисовальщику — автору миниатюр рассматриваемого цикла. Он передал зрителю не только ситуацию — «гостя» перед великим князем Святославом Всеволодовичем, но и содержание рассказа «гостя», т. е. зримый образ мысли. В миниатюре на л. 647 мастер изображает, отделив «горками» пленных (без доспехов) Ольговичей в окружении половцев. Художник выделяет сообщającego известие «гостя» «указующим» жестом руки, направленной в сторону пленных.

Такой прием позволяет рисовальщику значительно расширить информативность миниатюры, сделать зрительный образ доступным читателю.

Миниатюры Лицевого свода неразрывно связаны с текстом. Своеобразный сигнал, они сразу же вводят читателя в среду повествования, подготавливают его к восприятию текста. Уже знакомый с событиями по миниатюре, читатель обращался к тексту и там находил описание этих событий, что для человека XVI в. воспринималось как абсолютно достоверное (можно сказать — писанное документально). И затем читатель снова находил в миниатюре подтверждение текста, узнавая его героев, подробности событий. При этом, пожалуй, в сознании его не акцентировалась символичность образов, созданных художником, так как зритель мыслил теми же категориями.

Неразрывность текста и иллюстраций подчеркивается функциями миниатюр. Они не только дополняют текст, но и дают образную его интерпретацию, способствуют более эмоциональному его восприятию; являясь средством расстановки акцентов, они выделяют самое важное, содержащееся в тексте, вводят конкретное событие в более широкую обстановку — географическую и топографическую среду. Вместе с тем миниатюры являются очень важной частью художественного оформления книги. Они организуют и украшают плоскость листа, создают композиционную завершенность и единство цветовых пятен формата рукописи, миниатюры, зависящей от размера листа, и пространства, занятого тек-

¹⁸ Ср.: там же, с. 157, рис. 51; характеристика рисовальщика на с. 154.

¹⁹ Ср.: там же, с. 151, рис. 46; характеристика рисовальщика на с. 151.